

Жеребина Елена Алексеевна

НЕМЕЦКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ КРИТИКА КАК ИСКУССТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Отличительная, основная черта романтического мирозерцания – мистическое чувство и связанное с ним поэтическое представление о действительности, замена действительности фантазией, субъективное отношение к внешнему миру. Отсюда вытекают и все другие особенности романтического мировоззрения. Прежде всего, коренным образом изменился взгляд на поэта. Главным условием поэтического творчества становится не знание правил, а гениальность творца. Поэт, по убеждению романтиков, инстинктивно вкладывает в свое произведение не только то, что он отчетливо осознает, но и целую бесконечность. Поэтому художнику предоставляется абсолютная свобода творчества, безграничное право выражать в своих произведениях свое собственное «я», ибо этим путем поэт примиряет противоречие между конечным и «бесконечным».

Следствием этого стремления почувствовать среди конечного тайну бесконечного стала исключительная свобода поэтической формы. «Борьба со словом, с образом, попытка вложить в него содержание большее, чем обычно, являются характерными для романтиков» [Жирмунский В.М.]. Если рационалистическая модель языка представляет собой устойчивый упорядоченный набор знаков, с помощью которых можно дать полное описание действительности, то романтики видят в языке средство к проникновению в тайны «незримого мира», к постижению духа, действующего через язык и благодаря языку. Поэзия перестает пониматься как «украшенная речь». Поэтическая речь становится не дополнением к повседневной речи, а уникальным, универсальным способом освоения действительности.

В связи с таким переломом в области поэтических вкусов, переоценкой художественных ценностей классицизма и попыткой теоретически оправдать новые пути в области искусства, в Германии уже в конце XVIII века была выдвинута оппозиция классического и романтического художественных стилей, и скоро она стала общим местом немецкой эстетики того времени.

Уже молодой Гете противопоставляет «идеально-прекрасному» искусству Древней Греции «характерное» искусство германского Севера. Не принципы и школа, по мнению Гете, спаивают воедино все элементы произведения, а творческий дух и творческая воля гения: «Искусство обойдется без знания и соблюдения пропорций, ибо наитие придаст ему характерную цельность. Это характерное искусство и есть единственно подлинное».

Вместе со строгой системой правил поэзии классицизма оказались упраздненными также и критерии, по которым следовало оценивать поэтическое произведение. С приходом новых эстетических законов возникла необходимость не только в новых критериях оценки, но и в истолковании поэтических текстов, которые выступали как символы бесконечного и были полны темных мест. За пределами самого удачного высказывания есть нечто невыразимое. Поскольку искусство выражает несказуемое, его толкование бесконечно. По мнению Шеллинга, «каждое истинное произведение искусства как будто содержит бесконечное число замыслов, допуская тем самым бесконечное число толкований, и при этом никогда нельзя установить, заключена ли эта бесконечность в самом художнике или только в произведении искусства как таковом». В художественном произведении всегда есть невыговариваемая тайна, неотчуждаемое ядро, стимулирующее непрерывность новых прочтений. Положение о неисчерпаемости поэтического смысла согласуется с природой поэзии, постоянно находящейся в становлении, и с ее органическим характером.

Концепция “универсальной поэзии” Шлегеля была призвана соединить “гениальность, т.е. спонтанное творчество, и “критику”, т.е. сознательную рефлексию по поводу творчества. Принцип рефлексии, почерпнутый Фр. Шлегелем и Новалисом у Фихте, не ограничивается, как у него, философией, но распространяется на поэзию. Рефлексия бесконечна, каждая ее ступень в свою очередь может стать предметом рефлексии, «я» не может быть исчерпано никакой рефлексией. Критика, в терминологии романтиков,- это высшая форма филологической деятельности, это размышление по поводу творчества, само стремящееся стать художественным произведением. Критика - это не только оценка произведения, но и метод его завершения: она вскрывает сокровенные замыслы и нереализованные тенденции произведения, конструирует тот индивидуальный идеал, несовершенным воплощением которого он является. “Высокая наука подлинной критики должна учить разум, как он должен формировать себя в себе самом, и прежде всего она должна учить его постигать всякую иную самостоятельную форму поэзии в ее классической силе и полноте, так чтобы цвет и ядро чуждого духа стали пищей и семенем его собственной фантазии” [Ф.Шлегель]. Критика оказывается, таким образом, интегральной частью художественного процесса, размышлением искусства о себе самом, его самопознанием, соотносит воплощенное в букве произведение с бесконечным духом и дополняет произведение, растворяя его в абсолютном.

Характерная для романтизма “поэтика индивидуального стиля” [Вайнштейн О.Б.] настраивала на личные, индивидуальные отношения с читателем. Образ идеального читателя перестал быть абстракцией: требовался конкретный собеседник и даже соавтор. Читатель, как утверждает Новалис,- это “продолжение автора”, а чтение - это продолжение творческого акта . Идеальным читателем мыслится критик-филолог, но не просто адекватно толкующий, а способный к

подражанию, воспроизведению и сотрудничеству. Критик - расширенный автор. Границы уничтожаются. Понятия читателя, критика и автора создают синтез, который олицетворяет утопию универсального понимания, утопию разговора на одном языке.

Поэзия и филология одушевлены одним и тем же первоначальным импульсом – любовью к слову. Филология, как и поэзия, - это определенная направленность духа, стремление понять и раскрыть подлинный, первоначальный смысл слова. Филология создается как искусство, являясь органичной частью художественного процесса, но результатом филологической деятельности становится наука. К этому можно добавить, что филология – это искусство, если рассматривать ее с точки зрения познающего субъекта, и наука, если исходить из достигнутого результата.

Филология ориентируется на букву, но поскольку буква не имеет смысла, если она не одухотворена, филологическая наука не может обходиться без философии, и наоборот. Дух является предметом философии, если он направлен на содержание, и предметом филологии, если непосредственно зависит от формы своего выражения. Критика, стремясь преодолеть неизбежный разрыв между бесконечностью духа и конечностью буквы, сознательно объединяет в себе филологию и философию. Шлегель формулирует это следующим образом: “Критика - это бракосочетание филологии и философии во имя утверждения истины”.

Рецензия Фр.Шлегеля на роман Гете “Годы учения Вильгельма Мейстера”(1798) - яркий образец раннеромантической критики. Роман Гете характеризуется Шлегелем как всеохватывающее динамическое целое, каждая часть которого выражает это целое и сама в свою очередь образует самостоятельное целое. Единство произведения - это единство духа, его пронизывающего, неповторимой авторской индивидуальности, а не единство каких-либо правил, норм

традиционной поэтики родов, видов, жанров. А.Шлегель также считает, что в разборе поэтического произведения “никогда не удастся вывести прекрасное целое из собранных вместе якобы прекрасных частей, напротив, сначала необходимо абсолютно установить целое, а затем выводить из него частности”. Само построение статьи о “Мейстере” должно воспроизводить последовательные этапы отношения читателя к роману: от живого эмоционального участия в начале через критический анализ к более интеллектуальному интересу и размышлению в конце. Задача читателя “постичь всеобщее”, “обозреть всю массу и запечатлеть целое, вникнуть в сокровенное и соединить самое отдаленное”. Чтобы достичь этого, необходимо абстрагироваться от всего единичного, но человеку свойственно стремление узнать, как сконструировано целое, разложить его на составные части. Однако, как подчеркивает Ф.Шлегель, «чтобы закономерно двигаться от частей к целому, наблюдение и анализ не должны теряться в бесконечных деталях”. Исследователю необходимо помнить, что сам поэт подтвердил изначальное единство частей “намеренным стремлением сочетать их в завершенное целое с помощью различных, хотя и неизменно поэтических средств”. В процессе исследования каждая необходимая часть “единого и неделимого” произведения становится системой сама по себе, но конечной целью анализа является не разложение живого единства произведения на “изначальные составные части, мертвые по отношению к произведению”, а создание гармонически завершенного целого.

Так, на смену регламентированной эстетике эпохи классицизма приходит романтизм с его безграничным доверием к человеческой личности, а на смену норме как принципу литературной критики – интуиция и творческая индивидуальность толкователя как единственный критерий истинности понимания художественного произведения.

